

УДК 2-86:304.2

**РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ: ПУЛЬКИН М.В. САМОСОЖЖЕНИЯ
СТАРООБРЯДЦЕВ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XVII – XIX В.)**

Белоногова Ю.И.

Монография Максима Викторовича Пулькина посвящена истории старообрядческих самосожжений. Автор рассматривает историю формирования идеологии ритуальных самоубийств, приводит примеры самых известных или крупных самосожжений, изучает географию гарей. В монографии изучаются ответные меры государства и Церкви – как репрессивные, так и увещательные, а так же ответ на них старообрядцев, реакция местных властей на изменение политики верховной власти по отношению к раскольникам. Рассказывается о технологии самоубийств, выборе способов и мест их совершения. Главными идеологами и организаторами гарей были старообрядческие наставники, на которых и было направлено основное репрессивное внимание властей. Старцы-странники готовили народ к принятию огненной смерти, приготавливали необходимые помещения, проповедовали и ободряли смертников. Для гарей строились специальные дома, являвшиеся своеобразными форпостами, защищавшими погорельцев от возможных побегов и от властей. Так же рассматривается вопрос восприятия самосожжений в среде народа, отношение верующих к самоубийствам во время веры их обоснование сторонниками и разоблачение противниками.

Ключевые слова: старообрядцы, самосожжения, «огненная смерть», старообрядческие гари, религиозное самоубийство, ритуальный суицид.

**BOOK REVIEW: SELF-IMMOLATIONS OF OLD BELIEVERS (THE
SECOND HALF OF THE 17TH – 20TH CENTURIES) BY M.V. PULKIN**

Belonogova Y.I.

The monograph by Maxim Viktorovich Pulkin describes the history of Old Believer self-immolations. The author examines the history of the ritual suicide ideology formation, gives examples of the most famous or major self-immolations,

studies the geography of the burnings. The monograph examines the responses of the state and the Church – both repressive and admonitory as well as the response of the Old Believers to them, the reaction of local authorities to the change in the policy of the supreme power in relation to schismatics. It tells about the technology of suicide, the choice of methods and places of their commissions. The main ideologists and organizers of the burnings were Old Believer mentors, to whom the main repressive attention of the authorities was directed. The elder wanderers prepared the people for the acceptance of fiery death, organised the necessary premises, preached and encouraged suicides. Special houses were built for the burnings, which were kind of outposts that protected the victims from possible escapes and from the authorities. The subject of the perception of self-immolations among the people, the attitude of believers to suicides during the faith, their justification by supporters and exposure by opponents is also considered.

Keywords: Old Believers, self-immolations, “fiery death”, Old Believers burning, religious suicide, ritual suicide.

Пулькин М.В. Самосожжения старообрядцев (вторая половина XVII – XIX в). 2-е изд. М.: Академический проект, 2023. 333 с.

История старообрядчества вызывает неподдельный интерес в наше время. Старообрядцы прочно вписались в инфраструктуру российского общества: купцы, промышленники, меценаты, они влияли на развитие культуры, занимались благотворительностью, внесли значительный вклад в экономику. Но вместе с тем мы знаем и «пламенного» Аввакума, беспощадную борьбу его последователей – противников реформ патриарха Никона – вплоть до противостояния государственной власти, уход от цивилизации и знаменитые старообрядческие гари. Теме ритуальных самоубийств в среде старообрядцев посвящена рассматриваемая книга М.В. Пулькина. Максим Викторович занимается проблемами старообрядчества и самосожжений уже более 20 лет, его перу принадлежит более десятка статей по данной теме, а так же монография «Самосожжения старообрядцев (середина XVII – XIX в.)» (2013)

[3]. Фактически рецензируемое издание является вторым, переработанным изданием книги 2013 г., что говорит о востребованности и актуальности данной темы для современного читателя.

Проблеме самосожжения старообрядцев посвящен большой пласт исследовательской литературы как историков, так и психиатров. Краткому обзору историографии в рассматриваемой монографии посвящено введение, в котором раскрыты основные направления исследования: какими мотивами руководствовались самоубийцы – социальными или религиозными, кто являлся движущей силой и главными инициаторами самосожжений, как они оправдывались и как с этим страшным явлением боролись государство и Церковь.

Главным и, пожалуй, самым талантливым сторонником идеи самосожжения был протопоп Аввакум, его послания легли в основу идеологии «блюсти благочестие до смерти» [2, с. 44]. Старообрядческий наставник Петр Прокопьев сравнивает участников самосожжений с мучениками первых веков Христианства [2, с. 45]. Автор рассматривает вопрос о том, как самоубийство, являющееся одним из смертных грехов, смогло стать в представлении старообрядцев подвигом за веру и будто бы открыть им путь в Царствие Небесное. Важными в представлениях староверов были с одной стороны идея мученичества и подражания древним святым, нежелание подчиниться богоборческой с их точки зрения власти, представление о наступлении последних времен, а с другой – сама очищающая, мистическая стихия огня. Идею самосожжений невольно подсказало само государство, прибегая к казням на огне наиболее рьяных противников церковной реформы, создавая сонм старообрядческих мучеников. «Для первых старообрядцев пример новых российских мучеников, погибших в огне, служил образцом для подражания» [2, с. 60]. Среди старообрядцев были и противники огненной смерти, они возводили это учение к Оригену, осужденному Церковью, считали, что концепция очищения от грехов огнем негативно сказывается на нравственности, ведь «пламя должно смыть любой еще вчера казавшийся

недопустимый грех» [2, с. 65]. М.В. Пулькин разбирает аргументы авторов «Желобницы поморских старцев против самосожжения» и писания наставника Евфросина, который выступал ярким противником гарей, не брезгуя и язвительными насмешками «порты посмрадил, трепеща от антихриста» [2, с. 67]. По мнению наставника, организаторами самосожжений движет не благочестие, а пороки и смертные грехи, ведь сами наставники от огня уклоняются [2, с. 70]. Эта точка зрения принимается исследователями не полностью, ведь зачастую сами организаторы сгорали вместе со своей паствой.

М.В. Пулькин разбирает географию гарей. Традиционно участники самосожжений действовали в вологодских, костромских, муромских и суздальских лесах. Европейский Север России стал местом, где гари не затухали в конце XVII в. и весь XVIII в. Казалось, что в эпоху Петра I самоубийства постепенно теряли свою массовость, исчерпывается эсхатологический накал движения. Но на арену истории вышли новые лидеры радикального толка филипповцев. Они ограничивали контакты с внешним миром, отказывались почитать императора, стали виновниками гарей второй половины XVIII в.

М.В. Пулькин выявляет интересную особенность географии гарей. Они были наиболее массовыми в районах, где гонения на старообрядцев не отличались интенсивностью – на Европейском Севере и в Сибири [2, с. 87-88]. Именно тут старообрядцы распространили свое влияние, эти места стали их последним пределом.

Идея самоистребления зародилась уже в первые годы появления старообрядчества. Практиковались различные виды самоубийства: уморение голодом, утопление, заклание, удушение дымом или подушкой, подрыв, повешение, отрубание голов, погребение заживо. Но большая часть этих способов самоубийств прельщала немногих. Сожжение было связано еще с языческими представлениями об очистительной силе огня, а так же с христианскими мучениками, многие из которых погибли на кострах.

Самосожжения были не спонтанными решениями, к ним готовились загодя, подгадывая под Пасху, Великую Четыредесятницу или особо чтимые праздники. Хотя, возможно, термин «реинкарнация» [2, с. 92], который употребляет автор, не совсем верно применять по отношению к Христианству. Возможно, здесь уместней вспомнить о таинстве Крещения, которое в древности в Иерусалиме и Византии совершалось перед Пасхой. Именно «обряд таинства Крещения как умирание и погребение» [1, с. 123] был наиболее близок к самосожжению, как огненному крещению. Так же автор приводит мнение, что самоубийства имели и психологические объяснения, например, в Воронеже суицид был совершен в 1812 г. – в период войны с Наполеоном.

Места самоубийств выбирались специально, часто они были удалены от поселений. Организаторов суицида привлекали монастыри. Иногда гари устраивали в деревнях, но никогда они не происходили в городах. Это М.В. Пулькин объясняет рационализмом городских жителей и большими возможностями для контроля [2, с. 943]. Зная, сколько бедствий произвели пожары в русских городах, как от «копеечной» свечи горела Москва, очевидно, что самосожжения в городах сделали бы старообрядцев не мучениками за веру, а убийцами невинных людей, не разделявших их взгляды. Такие пожары обездолили бы тысячи горожан, что могло вызвать волну ненависти населения к староверам, лишив их ореола мученичества за старую веру.

Самосожжения все же не были целью, а в большей мере средством. Поэтому важным условием гарей было наличие гонений. Гонения не замедлили начаться уже в 1670-е гг. Первыми сжигать старообрядцев как еретиков и богохульников стали именно государственные власти. Указ царевны Софьи 1686 г., который повелевал пытаться старообрядцев, а если они не раскаиваются, то сжигать в срубах, стал отправной точкой для массовых самосожжений [2, с. 99]. Так многие знаменитые старообрядцы были возведены на костер государственной властью. Петр I подкрепил существовавшую практику законом, приказав сжигать сторонников «огненной смерти», а тайных

раскольников ссылать на каторгу или в монастыри, что, очевидно, не способствовало прекращению гарей. Лишь в 1716 г. царским указом старообрядцы были легализованы. Но далеко не все они стремились записаться в двойной оклад, по-прежнему подвергаясь суровым наказаниям. Государственная власть видела в гарях способ для «безбожных воров» завладеть имуществом убитых или возможность скрыться от властей и не платить налоги. Таким образом, после Петра I власти видели в старообрядцах не ревнителей веры, а уголовных преступников [2, с. 120].

Православная Церковь не отдала борьбу со старообрядцами на откуп государству. Основной идеей церковной проповеди стала «душепагубность» сожжений. В конце XVII в. инициатором борьбы с самосожжением при помощи дискуссий и убеждений стал митрополит Тобольский Игнатий (Римский-Корсаков). Продолжил противораскольничью проповедь митрополит Ростовский Димитрий (Туптало), который обратил внимание на то, что в огне сгорали не только взрослые, сознательно выбравшие этот путь, но и невинные дети, фактически сравнивая сторонников гарей с убийцами. В 1722 г. государство так же взяло курс на проведение разъяснительной работы среди староверов, и из-под пера епископа Феофана (Прокоповича) – автора известного «Духовного регламента» – вышло увещевание, которое было обязательно для прочтения в церквях.

В конце 1730-х гг. власти, видя, что репрессивные меры не сокращают число гарей, но сокращают число налогоплательщиков, стали прибегать, главным образом, к увещеваниям и уменьшили число репрессий по отношению к староверам. Так при Елизавете Петровне была отменена смертная казнь, а при Петре III староверам было разрешено служить по старопечатным книгам и репрессии фактически прекратились [2, с. 125]. Указом от 1 февраля 1762 г. были прекращены репрессии против участников самосожжений.

Отдельное внимание М.В. Пулькин уделяет технологии самосожжений. Важную роль в этом процессе играл «старец». По мнению властей, без соответствующих «наставников» сама идея самоубийств среди старообрядцев

не получила бы такого широкого распространения. Именно «старцы» были главными идеологами и зачинателями самосожжений. Наставники были личностями незаурядными, они появлялись из неоткуда, не имели особых примет, вдохновляли и организовывали самосожжения и зачастую исчезали бесследно. Власти, понимая роль этих безымянных странников, прилагали огромные усилия к их поимке, но это не имело результатов. Семейный уклад жизни помогал таким проповедникам: родители приводили детей, мужа – жен, братья – сестер. Далеко не все домочадцы разделяли веру и убеждения своего главы, но подчинялись его силе или авторитету. Таким образом, часть самосожженцев не были добровольными самоубийцами.

Для гарей старообрядцы строили специальные крепости – «згорелые дома», которые предотвращали возможность побега с одной стороны, а с другой – защищали самоубийц от военных или местных жителей, которые стремились разобрать строение, чтобы спасти людей. В таких домах всегда был арсенал с оружием, окна имели, как правило, решетки. Проповедники самосожжений сталкивались с естественным для человека инстинктом самосохранения, поэтому часто были попытки определенных к сожжению верующих спастись из горящих домов, в таких случаях не помогали ни проповедь, ни рациональные аргументы. При отсутствии возможности построить специальный огненный форпост, люди сжигали себя в монастырях, часовнях, избушках, сараях, главное, чтобы их не успели спасти. В подготовке к самосожжению значительную роль играли старообрядческие скиты, там готовилось все необходимое для «загорелого дома», а в награду такие «помощники» получали часть имущества самосожженцев.

Самосожжение сопровождалось целой чередой обрядов. Самым распространенным было перекрещивание перед смертью. Подготовка к смерти была сопряжена с исповедью и покаянием. Старообрядцы каялись своим наставникам или уже перед началом пожара друг пред другом, исповедуя грехи, в некоторых случаях практиковалось постижение в монашество. До нас не дошла в полном объеме информация о подготовительных обрядах, но

скудные сведения дают представление о том, что люди проводили свои последние дни в постоянной молитве, поклонах, посте. Важной составляющей ритуального суицида было увещание участников и обличение «никониан» в лице прибывшей воинской команды. Это было своего рода огненное действо – часть ритуала сожжения. Конечно, такие увещания не приводили к раскаянию «насмртников», и никого не разубеждали, но давали время для подготовки. Впоследствии обличения могли заменяться грамотой – сказкой, в которой излагались основные мотивы сожигателей. Некоторые исследователи видят в самоубийствах социальный протест, но автор рецензируемого издания, напротив, разделяет точку зрения о том, что сторонниками суицида были представители не самых бедных слоев русского общества [2, с. 174].

«Для старообрядцев самоубийства верующих «благочестия ради» стали героической страницей истории» [2, с. 218]. Они стали старообрядческими мучениками, подвиг которых благословил сам протопоп Аввакум. В то же время, для самого Аввакума смерть столь многих последователей стала доказательством правоты его учения. Поэтому память о горях бережно сохранялась в старообрядческих преданиях. При этом в повествовании о лидерах старообрядчества их самовольный уход из жизни нивелируется, агиографы склонны писать не о самосожжении, а о гибели от рук гонителей. Все же в самой среде ревнителей старого обряда вопрос о возможности и благодатности самоубийства оставался открытым, ведь в народе к самоубийцам относились всегда с опасением, за них запрещено молиться, их не погребают на приходском кладбище, с ними связаны легенды о неприкаянном их положении в загробном мире.

Основой материала рассматриваемой монографии М.В. Пулькина стали многочисленные опубликованные источники, а также документы, в основном, следственные дела, хранящиеся в архивах Москвы, Санкт-Петербурга, Архангельска и Петрозаводска.

Безусловно, данная книга будет интересна историкам Церкви, религиоведам, этнографам, фольклористам и психологам, а также всем, кто интересуется историей народной культуры.

Список литературы:

1. Воробьев Владимир, прот. Литургическое предание Православной Церкви: Православные таинства и монашеский постриг. 2-е изд. М.: Изд-во ПСТГУ, 2022. 650 с.

2. Пулькин М.В. Самосожжения старообрядцев (вторая половина XVII – XIX в). 2-е изд. М.: Академический проект, 2023. 333 с.

3. Пулькин М.В. Самосожжения старообрядцев (середина XVII – XIX в.). М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2013. 336 с.

Сведения об авторе:

Белоногова Юлия Игоревна – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России историко-филологического факультета Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета (Москва, Россия).

Data about the author:

Belonogova Julia Igorevna – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of Russian History Department, History and Philology Faculty of Saint Tikhon's Orthodox University of Humanities (Moscow, Russia).

E-mail: BelonogovaI@mail.ru.